

Центральная городская публичная библиотека имени В. В. Маяковского

Евгения Щеглова

**Меню для любителя русской литературы
(Обзор новинок за 2007-2009 гг.)**

Санкт-Петербург
2010

ББК 83.3(2=Рус)6

Щ 33

Щеглова Е. П.

Меню для любителя русской литературы (Обзор новинок за 2007 – 2009 гг.)/

Под. ред. О. Н. Косогор, Е. С. Кункиной. – СПб.: Политехника, 2010. – 28 с.

(ЦГПБ им. В. В. Маяковского)

ISBN 978-5-904030-95-7

Представлен критический обзор современной отечественной художественной и мемуарной литературы, появившейся в 2007 – 2009 гг., обращающий внимание читателя на наиболее заметные ее явления. Рассматриваются произведения авторов, которые затронули самую важную проблематику: о том, что считать национальной российской трагедией, о бессмысленной войне, о разложении современной деревни, о непопулярных темах в литературе, о способности писателя нащупать действительно болевые точки живых общественных процессов.

Щеглова Евгения Петровна – литературный критик, главный редактор Российского института истории искусств, обозреватель журнала «Континент» (Париж – Москва), член Союза писателей Санкт-Петербурга, председатель секции критики и литературоведения.

Издание осуществлено при поддержке
Комитета по культуре Санкт-Петербурга
В рамках городской программы
«Чтение как образ жизни»

Проект Отдела культурных программ ЦГПБ им. В. В. Маяковского

©Щеглова Е. П.

©ЦГПБ им. В. В. Маяковского

2007-2008 гг.

Итак, чем же кормила отечественная литература своего изголодавшегося читателя на рубеже 2007–2008 годов?

Кормила так себе: вроде бы и сытно, но не всегда питательно, изумляя едоков красочностью и многообразием меню, для российского желудка, впрочем, частенько трудно перевариваемого. Точь-в-точь отечественный ресторан с иностранным названием, коими усеян весь Невский. Видимо, настоящая литература появится у нас одновременно с настоящей российской пищей, и полезной, и сытной, и без консервантов.

Ближе, однако, к литературе.

На сей момент (март 2009 года) самая обсуждаемая новинка года – роман Александра Мелихова «Интернационал дураков» («Нева», № 11, 2008, издан отдельной книгой). Поразителен разброс читательских мнений о нем: от восторгов и упоений до брезгливой мины на лице. Дескать, читать его не так-то легко, а беллетристика, говаривал еще Чехов, должна укладываться сразу, в секунду, роман явно перегружен и интеллектуально, и, так сказать, сексуально. Наличествует в нем и еще один, крайне странный мотив: рассуждения героя, немолодого мужчины-интеллектуала, о том, что именно самые несчастные люди в мире, «дураки» всех мастей, от олигофренов до даунов, в каком-то неведомом будущем должны будут составить свой «интернационал». Ведь и в самом деле, перед нами поразительно безобидный народ. Самый, наверное, безобидный. Олигофрены не организуют финансовых пирамид, не вступают в преступные банды, не становятся фашистами...

Ну что тут скажешь. Есть, как говорится, и такое мнение, и такой своеобразный умственный вывих. Безнадежно больные, точнее, наше преступно равнодушное отношение к ним, – вообще национальная российская трагедия. Кстати, ею как раз и занимается – весьма успешно – сам А. Мелихов. Дай ему бог всяких благ на этом поприще.

Но поприще поприщем, а роман – вещь особая. И тут «Интернационал дураков» есть весьма красноречивое свидетельство разброда и шатаний нынешней словесности, ее мучительных поисков себя, своей сути, своей сердцевины. Нелегко творить русскому писателю: только-только отыскивает он что-то, как ему кажется, новенькое, заветное, как выясняется, что идет он то бунинской, то

чеховской, то толстовской тропой... А сказать свое и только свое хочется, ибо и жизнь на месте не стоит, и какой же ты писатель без своего слова.

Центр «Интернационала...», однако же, – не судьбы несчастных, о которых романов не напишешь, ибо в них нет загадки, нет тайны, нет глубины, – а любовь. Любовь этого не названного стареющего «я» к прелестной девушке Жене, психологу, работающей в интернате для олигофренов. Любовь этого «я» трагически двоятся. Он и жену свою любит, но, увы, любовью скорее головной, по обязанности и привычке, и Женю. Вот ей с избытком достается то, что именуется любовью телесной, даже порой изощренной. Право слово, коллизия эта весьма и весьма избитая. Сказать тут что-то новенькое, после Чехова с Бунинным, да и более позднего А. Володина, с его знаменитым, и трогательным, и трагическим «Осенним марафоном», ох как трудно. Рецептов по выходу из этого остропсихологического кризиса ни литература, ни психология не дают. Да мы и не рецептов в литературе ищем, – мы живого человека ищем, его боль, его страсть, его новое слово о мире, о жизни, о смысле ее, о небе и бездне...

Вот с этим у нас в XXI веке плоховато. И с чем, пожалуй, труднее всего, – это с тем, как изображается в литературе любовь. Уходит и из жизни, и из литературы тончайшее, глубокое вещество любви. Человек для нее закрылся, словно захлопнулись створки невидимой раковины. Сексуально-эротические мотивы современной прозы, уже давным-давно перехлестнувшие всякие дозволенные приличиями рамки, – не любовь. Это, извините, – техника, физиология, завлекательные и упоительные игры, буйство плоти, все что угодно, но не любовь.

И А. Мелихову, писателю безусловно талантливому, тоже, по-моему, любовь в новом романе, хоть ты умри, не поддалась. Не уйти, читая книгу, от ощущения того, что на наших глазах в романе происходит крайне досадная подмена: вместо любви наличествует секс во всех подробностях и перипетиях. Секс, особенно в стране, где его довольно долго не было, штука нужная, но с любовью его путать все-таки не надо. Давайте, господа, договоримся: котлеты отдельно, мухи – отдельно. Не нужно выдавать за любовь страдания (вполне возможно, искренние, на то они и страдания) стареющего мужчины, чья плоть, уже давно успокоившаяся, то и дело вскипает от общения с прелестной юной Женей, симпатичной «мартышкой в очках». Не оживляют, а утяжеляют роман и совершенно безразмерные рассуждения и рассказы героя об уродках, несчастных и калеках: не та это тема, о которой можно говорить вскользь, походя. Тем более в нашей, насильственно обезбоженной стране, и прежде не отличавшейся особым благочестием. Кстати, любовь и христианское со-чувствие, со-страдание – так уж издавна повелось – две стороны одной медали, две ипостаси христианской души, о чем красноречиво свидетельствует и наш умный язык, объединяя любовь с жалостью. Почаще бы про это помнить нашим писателям.

А роман кончается печально. Женя, видимо, искренне привязанная к герою, все-таки его оставляет. Пожалев его несчастную, больную и искалеченную жену. Почему только к простым и, скорее всего, сильным, подлинным чувствам надо в этом романе воистину пробираться сквозь груды слов, слов и слов? По-

чему эти чувства так надежно в них укутаны, – как ребенок в бесчисленных одежках, надетых на него заботливой бабушкой и мешающих ему бегать? Да и есть ли они там, под грудой, эти чувства?

Если немного продолжить тему неумеренной любви некоторых писателей к нагромождению слов, то упомяну тоже довольно популярную петербургскую писательницу Елену Чижову, автора романов «Крошки Цахес», «Лавра» и «Преступница». В минувшем году в «Звезде», № 1 опубликован ее рассказ «Нюточкин дом». Он был бы хорош, пожалуй, всем, не страдай его создатель воистину патологическим многословием (как, замечу, и екатеринбургская писательница Ольга Славникова, тоже талантливая, но чересчур болтливая). Итак, немолодая одинокая Нюточка, бухгалтер по основным своим занятиям и страстный дизайнер собственного жилища – по своему хобби. Незадачливая судьба, бедные, но честные и ограниченные родители, постылая работа. Вот и отдает она все силы, все время и все деньги украшению своей чудесной квартирки. А дом ее чуть было не сносят под вторую сцену Мариинки. От одного ожидания этого горя Нюточка умирает. История, конечно, трагическая, но на ее изложение потрачено столько слов, что героиня в них прямо-таки тонет.

Да, так что же почитать такого настоящего о любви? Неужто нам только и остается, что вздыхать о непостижимо далеком времени, когда она в литературе была? И довольствоваться трафаретными, муляжными «дамскими романами»? Кстати, договоримся, что массовую литературу трогать не будем: это вообще не литература, а что-то вроде замороженных поделок для домохозяек.

Тут вспоминается неожиданно яркая, пронзительная повесть Елены Михайловой «Пожар», напечатанная в «Звезде» (2007, № 10). Казалось бы, тяжелейшая болезнь героини, кочующей от одной операции к другой, с облысевшей после химиотерапии головой, шатающейся от слабости, – неподходящее обстоятельство для могучего чувства счастья, которым буквально пронизана повесть. А вот поди же!.. Каким-то воистину непостижимым образом автору удалось поднять свою трагическую тему на экзистенциальный уровень. Словно крылья птицу, держат ее на земле любовь, тепло, сострадание, великое искусство, солнечный свет. Да, она любила и любит не одного мужчину, а многих. Да, она всю жизнь искала любовь, как другие ищут зарытый клад, – яростно, ошибаясь, обжигаясь, путаясь, но горячо и искренне. Да, после операции она едва ходит, но, выйдя из больницы, в особом таком магазинчике первым делом покупает особый такой купальничек, с декольте на срамном месте: будет чем зацепить любимого мужа! Вот уж действительно: не в запретных каких-то темах дело, не в «целомудрии» одних авторов и «развязности», «распушенности» других. Дело в одном-единственном – в эмоциональном настрое самого автора. В его холодности (прикрытием которой частенько и служит непомерное нагромождение слов) – либо его же страстности, искренности, честности. Таланте. Елена Михайлова, писатель, как ни странно, непрофессиональный (она доктор технических наук), сумела буквально пропитать повесть неповторимым ощущением счастья жизни, которое с такой силой открывается ее героине именно из-за ее болезни.

И еще к слову о любви и той вечной трудно постижимой тайне, с ней связанной.

Читатель наверняка и не единожды слышал о повести Павла Санаева «Похороните меня за плинтусом», отдельной книгой вышедшей в минувшем году. А если не слышал – так видел: переизданиями книги киоски буквально завалены. Но это тот редкий случай, когда достоинства книги адекватны ее популярности. Читать повесть, конечно, непросто: на отважного читателя буквально обрушивается шквал брани, упреков, а то и, не дай господи, мата, без чего героиня повести, она же бабушка героя, не может прожить и часа. Что и говорить, страшную пилюлю подложила жизнь автору, тогда восьмилетнему мальчику. Вкратце расскажу, о чем там ведется речь.

Мальчик, в книге названный Сашей Савельевым, – внук этой чудовищной, но в то же время не лишенной привлекательности старухи, четырехлетним насильно вырванный из рук матери и отданный бабушке. Несчастны в этой семье, собственно, все. И мать, актриса, тоже в свое время сполна хлебнувшая оскорблений от родной матери, оставшаяся без сына и теперь нашедшая утешение разве что в любви к «карлику-кровопийце» (так называет старуха своего нового зятя, прототип которого, кстати, – актер Ролан Быков; прототип матери – актриса Елена Санаева). Несчастен и мальчик, действительно крайне болезненный и слабый, но воспринимающий жизнь у бабки как единственно возможную, что свойственно всем детям. Несчастен и дед, муж больной и явно патологической старухи: потерпи-ка брань и упреки с утра до ночи! Несчастлива, наконец, сама бабка, потерявшая когда-то любимого маленького сына, а потом, в 1937-м, свихнувшаяся от страха в ожидании ареста.

Ну так что? О чем, собственно, повесть? О любви. О безысходности, в которую несчастного и беззащитного человека – а таковы в повести все – загоняет чудовищно жестокая и частенько крайне несправедливая жизнь. Чем виновна бабка, тоже сполна хлебнувшая в свое время всяческих горестей? Кто нормальный мог вытерпеть в 30-е нависший над всеми ужас, эту, по словам писателя Кестлера, «слепящую тьму»? Читать книгу больно, нестерпимо, страшно, но это живая человеческая боль, и вот почему книга замечательна. Боль живая и человеческая. Несчастный Саша и мать свою любит, и больную бабушку, и деда, и сердце его буквально рвется от невозможности вместить их всех в своей душе. Забудет ли он когда-нибудь горячую бабушкину мольбу, которую она, несчастная, слабая, лишившаяся внука (мать все-таки тайком, но вырывает у нее ребенка), буквально выкрикивает, стоя за запертой дверью? Такое выслушать и взрослому-то не под силу. А похороны бабушки, – какой болью проникнуты последние слова книги, болью не выдуманной, не головной, а глубоко сердечной, до ужаса искренней.

Замечательная, повторю, книга. Сильная. Обжигающая. Но когда настоящая литература не жгла человеческих сердец?

Не знаю, стоило ли издавать книгу Санаева в таком безудержном количестве – она переиздана почти одновременно множеством издательств, хотя тема

ее все-таки локальна, – но знаю, что ей уготована долгая жизнь в литературе. Ее популярность – явное свидетельство того, что с шумными похоронами литературы, объявленными наисовременнейшими скептиками, надо все-таки повременить. Настоящая, не пластмассовая литература вечна также, как сама жизнь. А если литература ищет себя – так это тоже прекрасно. Покой и благолепие более всего уместны на кладбище.

Чем еще занимательным отметилась русская словесность в минувшем году?

По-прежнему активен и интересен нестареющий москвич Владимир Маканин, словно держащий руку на пульсе времени. Последний его роман под названием «Асан» («Знамя», 2008, №№ 8–9) уже отмечен премией «Большая книга». Герой его – русский офицер по фамилии Жилин, по имени Александр Сергеевич (это имя ужимается чеченцами до «Асана»), по военной специальности – снабженец, что-то вроде не то дельца, не то торгаша. Короче говоря, он распоряжается доставкой солынки, бензина и керосина. Место действия, разумеется, Кавказ. Но роман Маканина – отнюдь не картина военной жизни, не хроника воистину бесконечной, непрекращающейся войны. Маканин, писатель острый, серьезный, глубокий, всегда, о чем бы он ни писал, говорит о жизни, о современности, о человеческой доброте, опять же – о любви, о жуткой бессмысленности войны... В общем-то, Вл. Маканин по мироощущению своему – пессимист. И выхода из тех тупиков, которые изображены им в «Асане», не видит. Что поделать: это выстраданное право большого писателя. Его Асан, торгаш и доставала, существует рядом с настоящими бедами – войной и смертями. Но как раз его существование, вроде бы вполне прозаическое и даже кое-кем презируемое, изображено писателем как нечто вековечное, прочное, не дающее миру содохнуть окончательно. Как ни крути, а именно Асан в бессмысленности той бойни, которой нет конца, которая убивает жизнь, да и все живое вокруг, – олицетворение хоть какого-то порядка, хоть какой-то жизни, пусть даже откровенно торгашеской. Пусть он строит себе и своей семье домишко в России: лучше строить дом, чем убивать и быть убитым самому. В сегодняшних условиях – условиях войны, притом вовсе не только кавказской, а войны всех со всеми, уже нет, уверен писатель, настоящих героев, ибо героизм обесмыслился. Давайте, кстати, задумаемся в эту глубокую мысль одного из сильнейших современных писателей. У него, право слово, есть основания для пессимизма: он обостренно зорок, он превосходно видит, как стремительно темнеет в сегодняшней России, как откуда-то из небытия, злорадно ухмыляясь, надвигаются на нас страшноватые лики, как исчезают остатки жалости, человечности... Маканинский Асан погибает, причем нелепо, бессмысленно – от руки спасенного им дурачка-контуженного. Вот таков финал романа. Финал бесконечно, необъятно трагический: нет, убежден писатель, выхода из современного тупика, куда загнало себя самоубийственное человечество.

А другой талантливый сегодняшний писатель, Бахыт Кенжеев, публикует в «Новом мире» (2007, № 11; окончание – 2008, № 6) роман «Обрезание пасын-

ков», действие которого относится к зловещему 1937 году. Место действия – Переделкино, дача репрессированного Б. (несомненно, перед нами расстрелянный Бухарин), куда чекисты командируют троих «инженеров человеческих душ», устраивая им на даче эдакое сытое рабство. Здесь, в блаженной тиши, но под надзором салтыков-щедринского недреманного чекистского ока, они совместно сочиняют некий загадочный опус, который в конечном счете оказывается заключением о стихах не названного в романе поэта (явно Мандельштама). Несомненно, перед нами пример замечательной прозы – интересной, умной, точной. Б. Кенжеев глубоко исследует ситуацию, когда человек сознательно и очень даже охотно выбирает несвободу, ибо она сулит богатство и душевный покой, взамен, правда, требуя душу. Этаким вселенский Мефистофель, устроивший свое лежбище на одной шестой земного шара. Подопытные рабы, естественно, запуганы чуть ли не до полной потери чувствительности, они как-то униженно ищут себе оправданий, внутренне мечутся, шарахаются, смертельно боятся наглых хозяев. По-настоящему человекен в романе разве что мальчик, сын приставленной к писателям домохозяйки из НКВД, плачущий от жалости к убитому Б. А что человеческого осталось в этих служителях муз, готовых за деньги буквально на все? Но – увы нам, увы, – сколько последователей отыщется у этой публики сегодня, когда многие, наевшись опьяняющей сначала свободы, снова с охотой готовы устремиться к сытой кормушке, именуемой госзаказом!.. Если угодно, тут можно вычитать приговор нашим кондовым соцреалистам, только по недоразумению, злему умыслу именовавшимся русскими писателями. Б. Кенжеев, поэт и прозаик, надо сказать, всегда отличался повышенной чувствительностью к самым актуальным проблемам российской жизни. Новый его роман – наглядное тому подтверждение.

Хороший, традиционный – в лучшем смысле слова – писатель Борис Екимов, один из тех, кого всегда интересно и приятно читать, в минувшем году по-прежнему писал о деревне, хотя сам он давным-давно живет в городе. Его «новомирская» повесть «Предполагаем жить» (2008, №№ 5–6) пронизана страстной, горячей тоской исконно деревенского человека по настоящей реке, живой воде, потому что все это одни из радостей, самых великих, нашей единственной жизни. Б. Екимов город, в общем-то, не любит, как и большинство писателей-деревенщиков. Жизнь в этих каменных джунглях, убежден он, – жестокая, неестественная, злая по отношению к простому человеку. Об этом, впрочем, достаточно писали в свое время знаменитые в недавнем прошлом, но ныне почти замолчавшие Валентин Распутин и Василий Белов. Но, уже в отличие от них, Б. Екимов в произведениях последних лет (и в данной повести тоже) немало рассказывает о разложении современной деревни и о том, что крестьянство, увы, деградирует, а все живое устремляется в города. И именно эта мысль есть главный нерв прозы Екимова, главного деревенского печальника современной России. Хотя деревенская тема сегодня в литературе не такая уж и частая.

О деревне пишет сегодня и добротный, искренний писатель Гелий Ковалевич. В «Дружбе народов», 2008, № 4 печатался его рассказ «Осенью, на исходе»,

тоже отмеченный неизбывной печалью о конце русской деревни. А они, «деревенщики», любят ее до бесконечной боли, понимая, что, скорее всего, ничего поделывать уже невозможно: не повернется история вспять, не вернется веселая русская деревня хотя бы 50-х годов минувшего века, тяжелых, но по-своему добрых. Г. Ковалевич пристально, любовно вглядывается в быт старика Мокина, вдовца, которого взрослые дочери зовут из деревни в город (тоже обычный и горький мотив сегодняшней деревенской прозы: уже и старики родные места покидают). А у него заботы нелегкие, зато привычные: с трактористом сладиться подешевле, чтобы картошку собрать, урожай пристроить... Неужто вот-вот и кончится эта совершенно органичная для русского человека жизнь, задается риторическим вопросом автор, как и множество других деревенщиков.

Воронежский прозаик Сергей Пылев, например, в повести «Удар возмездия» («Москва», 2008, № 2) тоже рассказывает об угасании сельского мира в родных краях. Еще бы русскому писателю не печалиться: ежедневно, написано в повести, две деревни или села исчезают с земли нашей. А проблемы у тех, кто доживает-таки свой век в деревнях, прежние – лютая бедность, нет ни магазинов, ни врачей, ни лекарств, немногочисленный сельский народ спивается и мрет, девушки рожают без мужей и бросают своих ребятишек... Вот жители двух воронежских деревушек, рассказывается в повести, и позвали на помощь экстрасенсов да вещунью-шепотунью.

Другой маститый писатель-деревенщик нашего времени, Владимир Крупин, в новом произведении, названном «Повесть для своих» («Наш современник», 2008, № 9), изображает старика-рассказчика, задумавшего уехать из постылого города в тихую благословенную деревню, в родные места. Как мы видим, все тут традиционно для деревенской прозы – и вечная, нестареющая нелюбовь к городу, и особое пристрастие к изображению в качестве положительных героев именно стариков и старух как носителей традиционной народной нравственности, помнящих «золотой век» русской жизни. Существовал ли таковой в действительности, либо перед нами в чистом виде нетленный славянофильский идеал, восходящий к К. Аксакову и И. Киреевскому, – вопрос праздный. В действительности, конечно, не существовал никогда, а как идеал – был и остается вечен. Как вечна и русская деревенская проза с ее неизбывной, искренней тоской по убитой и обезлюдившей деревне, но упованием исключительно на старых, уходящих из жизни людей (вспомним знаменитых распутинских и беловских старух), которым ведома «истина». Поскольку же в жизни, которая не по славянофильскому сценарию развивалась, все гораздо сложнее, и старые люди хоть в городе, хоть в деревне отличаются друг от друга ничуть не менее, чем молодые, – в их сильно идеализированные писателями-деревенщиками образы неизбежно входит фальшь. Собственно, в «Повести для своих» Крупин занят главным образом изображением пустого балагурства пьяненьких деревенских мужиков-философов. Философствуют они, естественно, в стиле и духе журнала «Наш современник», т. е. высказывая откровенно славянофильские (точнее, лжеславянофильские, – настоящее славянофильство ушло вместе с его носите-

лями) идеи. Вечное противостояние России и Запада, Россия как единственный оплот духовности и нравственности, иноземцы-дьяволы, губители уникальной народной жизни, – вот круг этих идей. Оказывается, и рассказчика всей этой истории в деревню тоже десантировали не кто иные, как идейные его неприятели. Тут уж концы вообще с концами не сходятся. Где же, спрашивается, и истину искать, если даже в благословенную русскую деревню теперь ссылают исконные враги русской земли? Взамен внятных мыслей на этот счет В. Крупин подпускает в рассказанную им историю откровенную мистику.

Впрочем, есть сегодня авторы, более глубоко копнувшие трагедию, случившуюся в XX веке с российской деревней и не ограничивающиеся лирическими вздохами об уходящей русской Атлантиде. Непрофессиональный автор Наталья Лазарева в повести «Последнее место ссылки» («Звезда», 2008, № 5) отчетливо понимает суть событий, о которых рассказывает. «Последним местом ссылки» народ прозвал путевые машинные станции (ПМС), массово организованные в 50-х годах. Это и была, говорится в повести, настоящая ссылка. Отправлялись туда люди, не имевшие ни жилья, ни прописки, чаще всего вышедшие из лагерей. Сама Лазарева – из семьи ссыльнопоселенцев, оказавшихся в Сибири после раскулачивания. Однако никакой сентиментальности, никаких всхлипов по поводу собственной судьбы она себе не позволяет. Напротив, повесть отличаются суховатость и сдержанность. Факты, факты, факты. Из 12 сосланных еще в 1929-м на родную Псковщину вернулось пятеро. Вырыли в земле яму и стали жить. Перед войной взяли ссуду, построили дом. Но пришли немцы и сожгли весь поселок... Вот так вся семья оказалась в этом последнем месте ссылки.

Так же потрясает и безмерно трагическая история, которую поведала тоже непрофессиональная писательница Ирья Хиива в документальной повести «Из дома», вышедшей в Санкт-Петербурге, в издательстве «Нестор-история» в 2008 г. Эта девочка, в дальнейшем написавшая эту повесть, родилась в 1931 году в одной из ингерманландских деревень под Гатчиной, в финской семье. В 1935-м она с отцом, матерью и старшим братом переехала в Ленинград. Сначала, в 1937-м, арестовали и расстреляли ее отца, преподавателя финского языка в педучилище, в 40-м посадили и мать. А позже, когда родную их деревню, куда девочка вернулась после ареста родителей, оккупировали немцы, ее жителей эвакуировали в Финляндию. Но в 44-м девочка вместе со своими родными решила вернуться на родину. А родина послала их в ссылку. Повесть замечательна своей глубочайшей искренностью, той душевной чистотой, которая противопоставлена в ней бесконечному злу, – и тем самым она рассказывает что-то очень важное о том, что же все-таки случилось с нашим государством в XX веке.

Отдельно хотелось бы сказать о писателях молодых, но успевших заявить о себе в полный голос.

Интересно, необычно, талантливо пишет сегодня Мария Рыбакова, внучка Анатолия Рыбакова, автора «Детей Арбата» и «Тяжелого песка». Это писательница, можно сказать, изысканная, эстетичная, живописная, успевшая написать несколько довольно значительных романов. В 2008 году в журнале

«Знамя», № 4 напечатан ее роман «Острый нож для мягкого сердца» – историю о реке, о женщине, влюбившейся в реку, их сыне, который стал вором, и о его бесславном конце. Сюжет его авантюрный, мистический, явно навеянный латиноамериканскими легендами. В студента-латиноамериканца по имени Хуан Ортис влюбляется русская девушка. Их сына (он же – и сын реки, ведь Хуан Ортис – и человек, и река) воспитывает бабушка, поскольку мать его погибла. Мистический зов судьбы – и одновременно зов отца из далекой заокеанской страны – заставляет юношу уехать, с тем чтобы погрузиться в воды реки-отца. Все у М. Рыбаковой текуче, все наполнено мистикой, окутано атмосферой красивых легенд и сказок, все переливается и перетекает.

Популярен ныне и молодой писатель Александр Иличевский. 37-летний автор в минувшем году получил премию «Русский Букер» за роман «Матисс» – о поколении, родившемся в 1970-м и вцепившемся в новую жизнь со всей хваткой молодых волков. Вряд ли, однако, можно всецело разделить высокую оценку этого романа, вещи довольно рыхлой и невразумительной. У молодого героя этой книги в действительности нет ни исторической памяти, ни склонности к серьезному осмыслению жизни, ни таланта к любви. Именно поэтому 90-е годы – время его становления как личности – предстают в романе неосмысленными, непрочувствованными: обычный хаос, неожиданно-негаданно нагрянувший на безвинную, несчастную страну... Будто ни трагической советской истории у нас за спиной не было, ни гибели целых поколений, ни растления нации. В общем-то сегодня все эти темы в нашем обществе действительно, как говорится, непопулярны, но будто все в истории решается степенью популярности одних тем и непопулярностью других! Тут все зависит опять же от активности творческой природы писателя, от его способности понять, нащупать действительно болевые точки живых общественных процессов. А не идти за политической конъюнктурой дня, за тем, что принято официальной политикой в сей момент считать главным, а что – второстепенным. Великой литературы из соображений конъюнктурных никогда не возникало. В чем-то Иличевский, писатель все же талантливый, выразил в «Матиссе» общую беду постсоветского поколения, взращенного в обстановке морального хаоса, отсутствия высокого смысла и духовных горизонтов.

В 2008 году популярный писатель, всемерно заласканный критикой, опубликовал и несколько рассказов: в журнале «Знамя», № 1 – «Медленный мальчик», и в журнале «Октябрь», № 1 – рассказы «Облако» и «Костер». К сожалению, много смысла из этих излишне велеречивых историй не выжмешь. В «Медленном мальчике», например, герой несколько истерично, с преувеличенной экзальтацией начинает рассуждать об умственно отсталых детях.

А вот другому молодому прозаику нашего времени, Роману Сенчину, свойственно как раз обостренное чувство и истории, и современности. В рассказе «Сорокет» («Новый мир», 2008, № 7) он очень точно и тонко открывает в людях, собравшихся на юбилей друга и родственника, их такую вроде бы глубоко запрятанную мелкость душ, убогую расчетливость, неспособность к подлинным и

серьезным человеческим чувствам. В самом конце 2007 года Р. Сенчин опубликовал в «Знамени», № 12 роман «Лед под ногами» – очередную историю неудачника, приехавшего покорять Москву, но понявшего, насколько искусственна, неестественна в ней, в Москве, его собственная (уже, впрочем, словно бы чужая) жизнь. Герою глубоко чужда эта съедающая человеческую душу погоня за комфортом и мирскими благами, за жизнь без малейших угрызений совести. Он страстно взыскует жизни иной, осмысленной, творческой. И этой огромной человеческой тоской, такой понятной и глубоко своевременной, роман насыщен до предела. Разумеется, никаких рецептов талантливый автор человечеству не прописывает, он только знает, как жить не нужно, – и догадывается, насколько человеку необходим внутренний стержень, насколько важен для него духовный горизонт.

О чем, конечно, хочется сказать особо – так это о мемуарах и литературе невыдуманной. Долго еще нашей художественной мысли (подразумеваю тут художественную мысль срединного уровня, а не выдающуюся) догонять мысль и чувство мемуарное, доподлинное. Слишком велик и страшен был XX век от Рождества Христова для страны, слишком много впечаталось, вжалось в судьбу каждого, кто здесь жил, чтобы нечто головное, придуманное оказалось художественно выше непридуманного.

Поневоле вспоминается точнейшее заглавие мемуарной книги Льва Разгона – «Непридуманное» – или книги петербургской писательницы-документалистки, узницы двух гитлеровских концлагерей Марии Рольникайте «И все это правда».

1 января текущего года 90-летний юбилей отметил старейшина петербургского писательского цеха фронтовик Даниил Гранин. Достойный этот юбилей ознаменован не только выпуском многотомника его прозы, но и книгой воспоминаний «Причуды моей памяти» (СПб., 2008), и подборкой мемуарных миниатюр «Листопад» («Звезда», №№ 1, 2). В них он делится множеством собранных за долгие годы воспоминаний, набросков, размышлений. Столкновение казенной, как правило, обезличенной и обездушенной истории с индивидуальной человеческой памятью, живой и очень больной, – вот тема и нерв гранинской прозы. Вспоминая блокаду, нестихающую ленинградскую боль, один из составителей «Блокадной книги» рассказывает: в прежние времена слова О. Берггольц на памятнике Пискаревского кладбища – «Никто не забыт, ничто не забыто» – звучали, точно клятва государства, согревая и блокадников, и солдат. Прошли годы, и эти слова незаметно превратились в упрек: что же вы, господа хорошие, забыли и нас, и все, что было? Казенная история блокады, намертво вбитая в учебники и в головы потомков, говорила о героической эпопее, а личная память блокадников – о том, что уборная не работала, ходить «по-большому» надо было в передней, или на лестницу, или в кастрюлю, ее потом нечем мыть, воды нет. . .

Припоминая военные годы, в этих же воспоминаниях Гранин пишет: «Мы не хотим осмыслить цену Победы. Чудовищная, немислимая цена. Правду о потерях выдают порциями, иначе бы она разрушила все представления о сияющем

лике Победы. Все наши полководцы, маршалы захлебнулись бы в крови... Из черепов можно было бы соорудить пирамиды, как на верещагинской картине».

Не могу не рассказать о следующем потрясающем эпизоде из воспоминаний Гранина. Как-то услышав по радио концерт Моцарта в исполнении Марии Юдиной, восхищенный Сталин распорядился послать пианистке 20 тысяч рублей. Ответ Юдиной был таков: Благодарю Вас за помощь. Я буду день и ночь молиться за Вас и просить Бога, чтобы Он простил Вам ваши тяжкие грехи перед народом и страной. Бог милостив, Он простит. Деньги я пожертвую на ремонт церкви, в которую я хожу. Историю эту Гранин узнал от Шостаковича, назвавшего письмо пианистки самоубийственным. Однако что-то заставило Сталина удержаться и не подписать уже готовящийся приказ об аресте Юдиной. Что?.. Едва ли кто даст на это ответ. Да, не так уж часто сбывается давняя мечта интеллигенции истину царям с улыбкой говорить.

Особо скажу и о книге Д. Гранина «Интелегенды», вышедшей в конце 2007 года. Название это ясно говорит об основном направлении книги: это дань памяти настоящим петербургским интеллигентам, уже ушедшим от нас. Среди них – не только академики Д. Лихачев и А. Панченко, но и сотни тех петербуржцев-ленинградцев, с которыми автор общался в ходе работы над «Блокадной книгой». Рассказывается у Гранина и о том, с чего началась та работа. Прежде мне казалось, пишет Д. Гранин, что о блокаде уже все известно: голод, обстрелы, штабеля трупов в сараях и подвалах, полуживые человеческие тени, бредущие по улицам. И только понемногу, общаясь с блокадниками, оба автора словно воочию увидели, как именно нравственные принципы, воспитание традициями русской интеллигенции помогли людям не расчеловечиться. Держаться – и физически, и нравственно – помогала людям их духовная жизнь, взаимопомощь, братство, чтение книг.

Но оба автора, и Д. Гранин, и А. Адамович, услышав из первых уст чудовищные подробности блокадной жизни, говорит писатель, заболели, получили тяжелое нервное расстройство. Вот чем была настоящая, а не парадно-книжная блокада.

Примечательную страницу в историю петербургской культуры вносит и мемуарная книга Валерия Попова «Горящий рукав», рассказывающая не только о том, как инженер В. Попов стал писателем, любимцем читательской публики 60–70-х гг., но и отдающая дань памяти известным писателям-ленинградцам: Ф. Абрамову, С. Довлатову, В. Конечному, Ю. Рытхэу, А. Володину, В. Бахтину, Л. Семенову-Спасскому, М. Чулаки. Замечательно, что В. Попов как мемуарист уходит от модной сегодняшней тенденции выкапывать из истории и чужих биографий одно только соленькое и с упоением выплясывать на костях. Он – добр. Вспоминая, например, великого драматурга А. Володина, В. Попов говорит о таких его свойствах, как стремление к постоянному «умалению» себя, неловкость от чужого внимания. Самим своим существованием драматург словно говорил: стыдно быть великим! Понимать это надо так: стыдно быть величественным, сановным, изрекающим... Стыдно быть памятником, возвышаясь и презирая

людей, расспрашивая, кто будет на приеме, куда собираешься пойти, – все ли твоего ранга? Вряд ли в таком случае душа твоя еще жива и болит за кого-то.

Нельзя не помянуть добрым словом замечательную мемуарную повесть драматурга Леонида Зорина «Медный закат», опубликованную в журнале «Знамя», 2008, № 2. Размышляя о собственной жизни и творчестве, старейший драматург страны вспоминает любимого своего героя – Костика из «Покровских ворот», фигуры во многом автобиографической. Как он яростно и бурно влюблялся, как был молод и полон надежд!.. Мудрый старый человек, Л. Зорин на пределе искренности пишет о том, что же именно он понял из долгой своей жизни. Одно, быть может: что простодушие неопенимо. И что удача, в конце концов, только стечение обстоятельств. Что счастье – это короткий укол, дарует его любовная близость, либо летучее прикосновение особой полноты бытия, особого единения с сущим – не успеваешь понять, что счастлив. А на поверку и длинная жизнь оказывается достаточно куцей, когда наступает ее исход.

Потрясающая публикация года – доподлинные записки Залмана Градовского под заголовками «Письмо к потомкам», «Дорога в ад» и «Посреди преисподней», напечатанные в «Звезде», №№ 7–9. Написанные на идише и запрятанные во флягу, эти записные книжки и письма уцелели в печи Освенцима и были найдены при раскопках в одной из ям с пеплом. Сам З. Градовский работал в зондеркоманде, состоявшей из заключенных и обслуживавшей весь конвейер уничтожения, и погиб в 1944 году в перестрелке с фашистами. Приведу только маленький фрагмент из записок, где описаны рутинные обязанности зондеркоманды после того, как открывались двери бункера с убитыми: «Мы приступили к работе. Нас несколько человек, и каждый занят своим делом. Мы отрываем тела от мертвой груды, тащим – за руку, за ногу, как удобнее. Кажется, они сейчас разорвутся от этого на части: их волокут по холодному и грязному цементному полу, чистое мраморное тело, как веник, собирает всю грязь, все нечистоты, по которым его тащат».

Глубоко лиричен и насыщен огромной любовью к незаурядному человеку – Виктору Николаевичу Сорока-Росинскому, знаменитому Викниксору из «Республики ШКИД» – очерк Ривы Шендеровой «Любимый учитель». Напечатан он в мартовском номере журнала «Звезда» за 2008 год. Как известно, «Республика ШКИД» вызвала некогда гнев самой Крупской, увидевшей в ШКИДе отсутствие политзанятий и физического труда. Поскольку эта известная дама курировала в правительстве вопросы образования, ее выступления вполне было достаточно, чтобы Сорока-Росинский навсегда стал неблагонадежным. А ведь он был, свидетельствует его благодарная ученица, великолепным педагогом. Умным, честным, интеллигентным. Он самоотверженно любил детей и воспитывал в них нравственную и физическую опрятность, отвращение к антисемитизму (а Рива Шендерова училась у него с 1948 года, и омерзительная черносотенная кампания разыгрывалась на ее глазах). А как он учил пяти- и шестиклассников безукоризненной грамотности! И – увы – все его разработки и методики после его трагической гибели в 1960 году оказались уничтожены. Их сожгли, сдали в макулатуру, попросту отнесли на помойку.

Петербургская актриса, жительница блокадного Ленинграда Елена Андерегг в «Звезде», № 2 делится крошечными рассказами о войне и своем родном городе. Они настолько яркие и необычны, что накрепко врезаются в память. Однажды, рассказывает Андерегг в новелле «Кошки», она вышла во двор. Война уже кончилась, стоял 1945 год. Во дворе она увидела странную картину. У помойки сидели несколько кошек, а перед ними на коленях стояла женщина, обращающаяся попеременно то к Богу, то к кошкам. Она горько и страстно говорила: «Господи, прости меня, грешную, я ведь убивица, убивица. Я их убивала, кормила своих детей, дети остались живы. А вот на мне какой грех. Прости меня, Господи, и вы меня простите». Кошки понемногу осмелели, съели принесенную им еду, а потом облизали ее лицо и руки. Женщина очнулась и заплакала. «Значит, вы меня простили! Господи, спасибо Тебе!».

Разумеется, художественная проза минувшего года включала в себя немало и других произведений. Мы остановились здесь лишь на самых ее заметных явлениях, затронули самую важную ее проблематику.

2009 г.

Вопреки повальному убеждению, что читать, при всем изобилии литературы на книжных прилавках, нынче нечего, так что и времени на поиски чего-то интересного тратить не стоит, – а посмотрим-ка мы лучше в телеящике на подновленную Ксюшу Собчак в образе строгой учительницы, – скажу, что читать нам есть что. И читать, и, если кто-то от чтения устает, – перелистывать, например, со вкусом изданные альбомы старых фотографий. Это тоже занятие небесполезное, можно сказать душевное. Душеспасительное. Попался мне как-то в Доме книги любопытный альбом, он же – и мемуарная книга, под названием «Коммунальная квартира в фотографиях и воспоминаниях» (М., 2009). Оно, конечно, не сахар (кто отведал советских коммуналок, соврать не даст) – жить в окружении посторонних для тебя людей и ежедневно общаться с теми, кого и видеть не всегда хочется, поневоле – абсолютно поневоле – делить с ними то, что называется «местами общего пользования». Да еще в эпоху, переполненную страхом и доношением. Все так.

Но почему с такой странной теплотой вспоминают бывшие жильцы коммуналок, чьи голоса воспроизводятся в книге, свое немудрящее тогдашнее жилье? Почему горестно вздыхают (не об одной же ушедшей молодости), памятуя, что и за детьми могли тогда добросердечные соседки присмотреть, и подкормить проголодавшееся чужое дитя? Об общих праздниках и совместно испеченных пирогах я и не говорю.

И опять же, не в том только дело.

Как ни тяжело было жить в до- и послевоенных коммуналах, вычитывается из книги ее сквозная мысль, как ни калечилась человеческая природа страхом, голодом, постоянной нехваткой то одного, то другого, – человек в них привыкал жить среди людей. Вот на какие мысли наводит эта замечательно изданная книга. «Ближний твой», которого, по христианскому канону, надлежало любить как самого себя, – он был рядом. Он и сам нуждался в твоей заботе и помощи – и не бросал тебя, когда на житейской мели оказывался ты сам. Всегда отыскивалась добрая рука, протянувшая кусок хлеба чужому мальчишке, а заодно оттрепавшая за вихры малолетнего обидчика. Было на кого и на что опереться, к кому пойти поплакаться на судьбу-индейку.

Это вам не сегодняшние ток-шоу, от обилия которых слабые наши телеящики того и гляди треснут. В чужие души, до которых их проныры-ведущие сами не свои, там залезают до самого доньшка, причем лапой очевидно грязной и сладострастной. Там до смерти любят обнажать все «тайное» и «сокровенное», куда вообще-то посторонним вход должен быть запрещен строго-настрога. Да что там обнажать: вывалить его, это сокровенное, в грязи и выставить на всеобщее обозрение. Ибо все не-тайное уже неинтересно. Телешоушлятина на наших глазах переросла все мыслимые и немыслимые приличия, напрочь отучая зрителя (самое омерзительное, что главным образом – юного) уважать чужую частную жизнь и чужие тайны.

Словно вылезло сегодня наружу, на всеобщее обозрение, все самое мерзкое, что небезуспешно цвело в тогдашних коммуналках – куда деваться от этой скучной правды, – а самое *человеческое*, выжившее там же наперекор обстоятельствам, загнано в подполье.

Вот в чем, по-моему, наша главная сегодняшняя беда. Она не в политических каких-то разногласиях, хотя и они имеют место быть, а в глухоте людей друг к другу. Во взаимной отчужденности их, нетерпимости, очевидном неуважении человеческой личности. А ведь Дмитрий Лихачев, размышляя о категории человеческого взаимоуважения, так поспешно отброшенного прямо на наших глазах, припомнил забытое, но вечное: «Человек человеку – святыня».

По поводу же нынешнего повального и весьма грязного любопытства ко всему потаенному, глубоко частному, вспомню замечательную фразу прекрасного литературоведа, интеллигента высшей пробы Владимира Лакшина. В конце 1950-х годов он впервые в жизни увидел О. Л. Книппер, к которой издавна, по свойственной молодым людям безапелляционности, относился с предубеждением. Еще бы: ради своей профессии актрисы она оставила в Ялте тяжелобольного Чехова, не захотела, значит, пожертвовать из-за него своей карьерой. Юный максималист Лакшин простить ей этого не мог.

И вот – встреча с очень пожилой красивой дамой, поразительно умной, высокоталантливой, интеллигентной, умевшей в сугубо частном разговоре незримо подняться над обыденностью. Невероятная встреча! Юноша был совершенно заморожен ее талантом, тактичностью, душевной высотой, невероятной, уже подзабытой к тому времени интеллигентностью. И как он смел когда-то осуждать ее!.. Вспоминая в своей мемуарной книге, спустя много лет, эту встречу, он и произносит фразу, которую забыть невозможно: эти сложнейшие отношения двух выдающихся людей, пишет он, у нас *нет права судить*.

Замечательная формула подлинной интеллигентности.

Сравним-ка эти слова с тем, что пишет в журнале «Город - 812» (от 25 января 2010 г.) современный искусствовед и журналист Михаил Золотоносов в юбилейной статье о Чехове, приуроченной к 150-летию классика. Чехов, по мнению журналиста, прежде всего – «знарок женских внутренностей и любитель женского тела», он же – «классический пациент Фрейда». Что же касается взаимоотношений Чехова с Ольгой Книппер – тех самых, которых у нас действительно

нет права судить, ибо дело это сугубо личное, интимное, и посторонним вход туда должен быть закрыт, то журналист, с сугубо современной простотой нравов, рубит тут прямо и по-солдатски: «С самого начала целью Ольги Книппер было завлечь, поймать и удержать. Охота началась летом 1899 года».

Ну все-то все и про всех знает наш отважный современник. И кто на кого охотился, и кто кого любил, и кто был фрейдовским пациентом. Не журналист, а длинноногая сорока-кумушка с пронырливостью городской сплетницы.

А вообще-то перед нами – донельзя красноречивая формула типичной антиинтеллигентности. Только крайне досадно, что относится она к интеллигентам.

У нас теперь, по сути дела, остается сегодня для души единственное прибежище – наша литература.

Тут самое время рассказать о новом петербургском романе (как раз на тему коммунального житья-бытья), удостоенном в минувшем году престижной Букеровской премии. Это роман «Время женщин» Елены Чижовой, напечатанный первоначально в 3-м номере «Звезды», а позднее вышедший отдельной книгой. Прелюбопытное, надо сказать, сочинение. Не то чтобы однозначно удачное, либо неудачное, нет. Чижова писательница талантливая, и от нее естественно будет ждать вещей неординарных. Тем более, что сама идея рассказать историю послевоенной девочки-полусироты, которую дружно растят – а по существу спасают – три старушки-соседки, – она, безусловно, внимания заслуживает. Ибо она – добрая, а тут, на этом фронте, у нас как раз непроходящий дефицит. Думается, что не что иное, как колющее русскую интеллигентную душу это ощущение нехватки гуманности, и сыграло известную роль в присуждении роману Букера.

Вышли-то мы действительно из гоголевской «Шинели», что тут поделаться.

Так о чем же роман? О несчастной провинциальной девушке, простодушной и добросердечной, разумеется, *соблазненной и покинутой* городским умником-щеголем. Разумеется, она остается с ребенком одна, к тому же дочка у нее до поры до времени ущербная: не говорит, хотя и слышит. Слава Богу, что в коммуналке, где одинокой матери дали крошечную комнатку, живут три добрые-предобрые, но несчастные, потерявшие всех близких бабушки-старушки. Они и накормят девочку, и обогреют, и присмотрят за ней. А тут выясняется, что мать ее неизлечимо больна (рак), и значит, несчастной сиротинке грозит детдом. Тут добрейшие бабушки совершают воистину подвиг любви: выдают замуж умирающую женщину, с тем чтобы у девчушки хоть жилье не отнимали. Вот так девочка, окруженная теплом и любовью, благополучно вырастает, становится художницей, бабушек, уже умерших ко времени ее взросления, помнит, не покинул, значит, ее Господь своим вниманием.

Так действительно хорош, выходит, этот роман, и его от души можно порекомендовать нашим заждавшимся чего-то свеженького читателям? В общем-то, конечно. Как говорится, худому он не научит. К тому же перед нами и не какая-нибудь паралитература, не Маринина с Донцовой, наши всесветно про-

славленные медведицы пера, неотличимые друг от друга, как приютские дети. Это литература.

Только на мой взгляд – все же излишне переслащенная. Тут ведь, когда затрагиваешь такой несомненно сентиментальный сюжет, крайне важно не перейти некой незримой границы, за которой того и гляди утонешь в сахаринном сиропе. Штука не самая опасная в русской литературе, которая чего только не вынесла за долгий свой крестный путь, но – имеющая свойство посеять определенное недоверие к предмету, о котором автор взялся повествовать. Подобная вещь произошла, например, с кумиром дореволюционных гимназисток Лидией Чарской, дамой явно не бездарной. В постсоветское время, памятуя о былой ее сверхпопулярности и думая, как водится, заработать на этом барыши, нувориши-издатели взялись было ее издавать и переиздавать. Критики и литературоведы тут же в унисон им дружно запели осанну несчастной и отвергнутой советской властью писательнице – а наши добрые славянские души издавна любили гонимых и отверженных, – покуда, опомнившись, не увидели, что ругали-то ее не зря. И не только сугубо соцреалистические критики. Едко и остро высмеивал ее в 1912 году молодой тогда критик и журналист Корней Чуковский. А позже не раз писал и говорил о ней Самуил Маршак, и тоже крайне нелицеприятно. Не в том, конечно, тут дело, что Чарская была махровой монархисткой: монархизм-то как раз нынче в моде. Дело в том, что сентиментальна она была до полной потери вкуса и меры. Взрослым и образованным людям, небезразличным к качеству литературы, ее лучше не перечитывать: провалы вкуса прямо-таки бьют в глаза.

Что поделаешь – лжесентиментальность есть несомненное зло, как всякий суррогат живого человеческого чувства.

Так что, возвратясь к роману Е. Чижовой, скажу, что сердцещипательности в нем все ж-таки переизбыток. Роман вообще написан как бы на одной, нестерпимо сентиментальной ноте, хотя звучат в нем голоса женщин разных. Это и все три добрые старушки – бабушка Гликерья, бабушка Евдокия и бабушка Агафья, и несчастная мать девочки, и она сама, выросшая в талантливую художницу. Никакого фона у этой истории, к сожалению, нет, как нет и почти никаких примет времени. А когда автор так переслащивает свою историю, та поневоле приобретает оттенок сентиментальности ложной. Вот уж отчего храни нас Господь. Ложная сентиментальность – это обман.

Так стоит ли читать этот премированный роман? Безусловно. Вполне возможно, что жюри, да и читателей журнала прельстило как раз то, что меня насторожило, – ведь чего-чего, а доброты у нас, действительно, уж такой дефицит... Тут любому вкладу в образовавшуюся брешь будешь рад. Талантливые книги нам даются, вообще-то, и для размышлений, и для вчувствования в них, а не для одних только критических оценок.

Кстати, о премированных романах. В славном городе Питере в минувшем году в той же «Звезде» вышел и объемистый роман Николая Крыщука «Кругами рая» («Звезда», №№ 1, 2). И тоже довольно противоречивый. Заметил ли чита-

тель, что лучшей рекомендацией к чтению служит не что иное, как поляризация критических оценок? Если одна читательская (критическая) группа роман приветствует, а другая его резко отторгает, – это, как правило, сигнализирует о том, что перед нами произведение неординарное, живое.

Роман Н. Крыщука, писателя безусловно талантливого, – история двух интеллигентных людей, отца и сына. Отец, профессор-филолог, и его сын, журналист, любят одну и ту же женщину, о чем до поры до времени не догадываются. Оба они – из породы постоянно влюбляющихся, тех, чья жизнь – калейдоскоп встреч, разочарований, бурных романов и расставаний. В этом семейном марафоне сын явно вырывается вперед. Он так запутался в своих бесчисленных привязанностях, любовях настоящих и не очень, что резонно предполагает, будто милая 13-летняя девочка, ничего не знающая о своем отце, – его родная дочь. Кто их знает, всех его возможных детей. Действие романа развивается главным образом в некоем поселке близ Петербурга, где обосновались престарелые академики. Читательское внимание подстегивается, к тому же, обещанием автора дать впереди какую-то невероятно интересную историю. Увы, она оказывается интересной, но не слишком. Оказывается, алкаш из этого поселка, личность забавная и даже трогательная, приходится одному из героев родным дядей. Все это, конечно, любопытно, да и перо у автора такое щеголеватое, мастеровитое. Видно, какое удовольствие доставляет ему нанизывать слова одно на другое, какое почти физическое наслаждение получает он от самой словесной стихии, и непонятно уже, он ли владеет ею, она ли им... Но, на мой взгляд, слов тут все-таки чересчур много, того и гляди в них утонешь. Литература, безусловно, искусство словесное, но ведь и занимательное тоже. И наверняка направленное к какой-то цели. По мне, так лучше бы слов тут было поменьше, а выразительности с занимательностью побольше. Хотя многим профессионалам, людям начитанным и со вкусом, представляется, что тут-то, в богатейшей игре слов, в их переливах и сочетаниях и кроется соль романа. Ну что ж, примем во внимание и эту точку зрения. Недаром же Фазиль Искандер, замечательный наш современник, как-то напомнил лишний раз, что если всю правду кто и знает, то только Бог.

А роман действительно красивый. Если читатель устал от вопиющей невыразительности псевдолитературы, сотворенной людьми со словарным запасом попугая, если он хочет окунуться в живую, красочную атмосферу великолепного литературного языка, – милости прошу открыть «Звезду». Роман был удостоен премии «Студенческий Букер» 2009 г. «за оригинальное творческое восприятие современной действительности, за смелую попытку провести повествование по тонкой грани между мгновением и вечностью, заглянуть за зеркальную поверхность наших дней, где и находится прекрасный мир художественности». Читаешь такое определение – и представляешь Н. Крыщука лирическим песнопевцем, каким-нибудь немецким романтиком наподобие Новалиса или Вакенродера. Искусство ведь, по их теории, – отблеск божественного...

Скажу и еще об одном очень, по-моему, интересном романе, тоже напечатанном в «Звезде» за 2009 г. (№№ 7, 8), позднее вышедшем отдельной кни-

гой. Вообще литература, поставляемая «Звездой», отличается, как правило, высоким качеством. Это действительно *художественная литература*, а не доморощенные беллетристические поделки. Речь идет о романе бывшего ленинградца, а ныне жителя США, Игоря Ефимова «Обвиняемый». Сюжетная пружина его закручена туго до крайности. Это детектив, но, как водилось в лучшие для отечественной литературы времена, содержание его далеко выходит за детективные рамки. Конечно, «Обвиняемый» все-таки не превращается в «Преступление и наказание», но роман, вне всякого сомнения, отличный. Итак, американского профессора философии и культуролога Грегори Скиллера обвиняют в двойном убийстве. Несколько лет назад зверским способом была убита 12-летняя девочка, а уже в наши дни (т. е. во время действия романа) таинственно исчезает юная девушка. Улики почти неопровержимо свидетельствуют против профессора. На протяжении всего повествования автор умело удерживает читательское напряжение. И хотя мы интуитивно понимаем, что не может этот блестящий человек, умница, философ-парадоксалист, любимец студентов всех возрастов пасть до убийства, – улики есть улики. Вдруг да и в самом деле ученый этот – сомнительная личность с двойным дном? К счастью, никакой двойственности героя в романе не обнаруживается. Грегори Скиллер действительно оказывается ни в чем не виновен. Просто – роковое стечение обстоятельств, что тут поделать. И помощь попавшему в беду профессору оказывают все бесконечно любящие его женщины, имя которым легион. Ибо все они в нем буквально души не чают: жены, любовницы, кратковременные пассии, – и ни одна из них не держит зла на соперниц. Удачливый герой вот уж истинно живет на всю катушку.

И вот этот мир – любви, тепла, счастья – автор сопрягает с другим, античеловеческим, населенным теми, кто *полностью избавился от рабства любви – даже от любви к себе* и устремлен к одному – *сотрясти мир небывалым ужасом...*

В роковой день 11 сентября 2001 г. у Грегори рождается сын. И счастливый отец, сев в автомобиль, мчится обрадовать падчерицу, свадьба которой назначена на этот же день. А встретиться они с ней должны в том самом Всемирном торговом центре... Дальнейшее нам неизвестно: мы не знаем, состоится ли свадьба, спасется ли из горящего здания сам Грегори... Зато мы знаем, что происходит с героями сейчас, в минуту катастрофы. Ефимов замедляет, а потом и вовсе останавливает действие. Помедлим, помедлим еще чуть-чуть, все еще живы, еще есть надежда... И тут же фиксируется следующий кадр – вереница спускающихся с верхних этажей людей, испуганных, бледных, плачущих, но не расталкивающих друг друга, не рвущихся вперед. *Каждая потерянная секунда могла обернуться для них смертью. И тем не менее каждый раз, когда на очередном этаже открывалась боковая дверь, поток останавливался и впускал очередную группу искавших спасения.*

То было, говорит автор, *выживание человеческого достоинства – загадочно победоносное. Для злодеев непостижимое.*

Раз уж мы завели речь о литературе петербургской, местной, расскажу и о любопытном *святочном романе* петербуржца Бориса Дышленко под заглавием «Созвездие Близнецов», напечатанном в «Звезде», №№ 5, 6. Воссоздаются в нем времена самой сердцевины застоя – 70-е гг. Некий подпольный художник-оформитель Коля Болотов попадает под пресс Софьи Власьевны (так называли советскую власть): за «тунеядство» его вот-вот выселят из Ленинграда, и тучи над ним сгущаются с каждым часом. А герой, конечно же, никакой не тунеядец, просто для писания картин ему нужно время, вот и скачет он с одной службы на другую, лишь бы не заставляли сидеть в конторах. Денег у него не водится, но высокая Колина душа о том не печалится. И невеста у героя под стать ему: такая славненькая, наивненькая, чистенькая будущая декабристка, готовая за любимым хоть в воду. На всю эту ситуацию автор смотрит с сильным сатирическим прищуром. Все у него в романе как бы понарошку – и герои будто не всамделишные, и ситуация увидена не то в кривом зеркале, не то под увеличительным стеклом. Беднягу Колю – этого грустного-грустного Пьеро, влюбленного в свою Мальвину, – окружают такие же люди-маски. Вот учитель французского, то русофил, то галломан, смотря какая погода на дворе. Вот псевдокомпозитор, ворующий чужие мелодии и едва умеющий играть. Вот гениальный «экзистенциалист», автор глубокомысленной сентенции: *суть сути, в отличие от сути несут, равна несут несут. Но суть существенного, равно как и несут несут существенного, что прямо противоположно сути несущественного, равной несут сути существенного, приводит нас к выводу о том, что само существование экзистенциально.* Рефреном по тексту проходит дурацкая фраза, которую произносят все кому не лень: *Пушкин на стуле сидеть не умел*, будто камертон к вершащемуся паноптикуму. Здесь все лживо, все поддельно, все – мишура и тлен. Впрочем, «святочным» роман назван недаром. Колю уже арестовали, уже творится над ним суд, уже вынесен ему приговор, но... тот же суд внезапно устанавливает: *Того же числа, того же месяца, того же года Солнце, которое в соответствии с картой звездного неба должно было находиться в созвездии Козерога, внезапно оказалось в созвездии Близнецов. Это обстоятельство суд принимает как чрезвычайное и снимающее с подсудимого Болотова всякую ответственность...*

А вот что вне всякого сомнения хотелось бы читателям порекомендовать – так это вышедшую в издательстве журнала «Звезда» книгу петербуржца Юрия Рытхэу «Дорожный лексикон». Вообще Ю. Рытхэу, скончавшийся два года назад, явно недооценен как читателями, так и критикой. То есть оценен, но скорее снисходительно (помнится, так отзывался чеховский профессор из «Скудной истории» о современной ему литературе: она что-то вроде *кустарного промысла, существующего только для того, чтобы его поощряли, но неохотно пользовались его изделиями*). Ранние повести и рассказы Рытхэу, неизменно интересные, были тем не менее скорее этнографическими, нежели художественными. Да и идеологический гвоздь торчал из них слишком явно. А куда, спрашивается, он мог деться от советской идеологии, этот уроженец немислимо далекой Чукотки? О

чем бы он ни писал, какие бы события, легенды и сказания ни оживали в его прозе, идеологическая приправа к ней могла быть одной-единственной: счастье народа, прежде отсталого, почти первобытного, обретенное под водительством партии и благодаря исключительно одной советской власти.

Стоит только вообразить, каково было ему, прекрасно знавшему, какому страшному насилию подверглась в советское время его далекая родина, выводить неизменно оптимистичные строки о бодром поступательном движении его к счастью, изобилию и процветанию.

«Дорожный лексикон», последнее произведение Ю. Рытхэу, – книга прежде всего правдивая, искренняя, увлекательная. И при всем при том – веселая, грустная, трагическая, написанная ясным, живым, четким языком. Ибо автору есть что сказать, вот что самое главное. Рассказывается в ней, как и в большинстве произведений Рытхэу, о Чукотке. Короткие рассказы в книге оформлены как словарные статьи и располагаются в алфавитном порядке – от «Абитуриента», «Автомобиля», «Анекдота» до «Юбилея», «Языка» и «Я». Сам автор в предисловии говорит, что писал книгу в расчете на человека путешествующего, которому приходится не раз чтение прерывать. Вот, например, что Рытхэу рассказывает про арбуз. Арбузы на Чукотке неизвестны, во всяком случае в конце 40-х, в годы юности автора. Тогда их там в глаза не видели. Писатель вспоминает, как они с приятелем купили во Владивостоке загадочный арбуз, состругали с его твердой зеленой поверхности пару кусочков, пожевали, дружно выплюнули безвкусную жесткую гадость... А внутри у этой диковинной штуки обнаружилось что-то красное и мокрое, еще и с подозрительными черными штучками – то ли червяками, то ли гигантскими микробами. Уж это они есть просто побоялись. Словом, выбросили загадочный фрукт в залив Золотой Рог и отправились в долгую дорогу в Ленинград («Арбуз»).

А в рассказе «Вор» Рытхэу вспоминает время, когда воровство в среде луо-раветланов (так называют себя чукчи) считалось одним из самых низких пороков, и человек, пойманный на нем, получал пожизненное несмываемое клеймо. *Так, весьма почтенная семья из Уэлена, один из членов которой лишь подозревался в воровстве, вынуждена была в полном составе переселиться в отдаленное стойбище на побережье Ледовитого океана. И далее: Я еще помню время, когда двери не только яранг, но и немногочисленных деревянных домов тангитанских (так чукчи называют всех белых людей) жителей в нашем селении не имели никаких запоров, а сторожем продовольственных складов торговой базы был назначен слепой сказитель Йок.*

Пользуясь случаем, расскажу и о других по-настоящему замечательных романах Ю. Рытхэу послесоветского периода, о которых, к сожалению, читатель знает мало. А ведь его книги давным-давно стали за рубежом настоящей, доподлинной классикой. За рубежом, посетую с горечью, не у нас. Не ценим мы своих же собственных сокровищ. Меж тем один из последних романов Рытхэу «Под созвездием Печали» (СПб., 2007) – потрясающее повествование о том, как подло и злобно была убита в советское время сама душа чукотского народа. За рассказанной в

книге историей знаменитого преступления 1935 года – убийства на острове Врангеля русского доктора Вульфсона – встают глубочайшие размышления писателя о том, что есть на свете вещи куда страшнее, чем нищета, голод и нескончаемый холод, о которых не уставали говорить безмерно самонадеянные большевики как о самом страшном несчастье.

Это когда людей насильно стравливают друг с другом, чтобы они рвали глотки, как одичавшие псы.

Немало о чем успел рассказать в последних своих романах Ю. Рытхэу, и рассказать сердечно, просто, бесконечно печально, умно. Он рассказал о старых чукотских мудрецах-шаманах, носителях древних народных традиций, умелых врачей-врачевателях, обладавших поистине божественной силой. Ведь и сам Ю. Рытхэу был внуком знаменитого чукотского шамана Млеткына, за отказ служить советской власти убитого в спину председателем Чукотского ревкома.

Замечателен, уникален по рассказанной в нем истории, и роман «Странствия Анны Одинцовой» (СПб., 2005). Анна Одинцова – русская девушка из Ленинграда, пережившая в родном городе блокаду и всем сердцем полюбившая невероятно далекую от нее Чукотку. Она и профессию этнографа, специалиста по северным народам, выбирает в соответствии со своей привязанностью, она и замуж выходит за юного чукчу, по существу отрешившись от своей родины и став настоящей чукчанкой. Сколько же выпало на ее долю приключений, счастья, крепко спаянных с ним трагедий, неизбежных мук...

Есть у Ю. Рытхэу и совершенно особый роман, роман-двухголосие, роман-память «В зеркале забвения» (СПб., 2001). Двоящийся лик единой, всеобъемлющей писательской натуры – той, что выросла в срединной России, в деревне Колосово (несомненно, тут имеется в виду ленинградское Волосово), и той, что приехала с немыслимо далекой Чукотки, – вот что составляет основу этого романа. Два героя Рытхэу – это русский журналист Георгий Незнамов, сполна хлебнувший советского лиха, и чукотский прозаик Юрий Гэмю, чья фамилия в переводе и означает «Незнаемый». Они – как бы разорванная надвое неделимая писательская душа. Снова и снова русский журналист вспоминает чукотского писателя, снова и снова проходит за ним тяготы, уготованные тому на неласковой к «чужаку» земле, – а тот ускользает от него, будто зеркальное отражение...

Они – символ вечного поиска в огромном человеческом мире своей давно потерянной половинки.

Но вернемся от Чукотки в родные северные Палестины.

В минувшем году вышла и еще одна интересная повесть известного филолога и прозаика Елены Тахо-Годи «Друг бесценный» («Звезда», № 1), которую мне от души хотелось бы порекомендовать читателям. Это своеобразный психологический этюд на извечную тему любви-нелюбви. Тот, кто назван «другом бесценным» и кого героиня и любить особо не любит, и оттолкнуть не отталкивает, – атлетический красавец и бонвиван, давным-давно женатый и своей любви к жене отнюдь не скрывающий. Да и героиня, в свою очередь, не таит, что не

испытывает к нему того чувства, когда мечтаешь о ребенке от любимого мужчины и умираешь от тоски и страсти. Ей как будто бы ничего от своего «друга бесценного» и не надо, хотя чисто по-человечески она к нему, конечно, привязана. А тут еще со всех сторон жужжат сочувственные голоса: дескать, судьба не сложилась, женское счастье не задалось... Мучительные размышления обо всем этом переплетаются у героини с религиозными поисками – тоже, увы, тщетными. Автор тонко и психологически достоверно излагает драму существа неординарного, глубокого, очень искреннего и оттого страдающего. Замечательная проза. Удовольствие от нее – как от великолепно приготовленного блюда.

И еще об одной интересной журнальной публикации хотелось бы сказать особо. Это повесть Русины Волковой «Внуки Черубины», напечатанная в «Неве», № 5, изящная, игривая вещица с тонким эротическим ароматом. Героиня ее – юная девушка, которую прабабка-дворянка учит обольщать мужчин с помощью особой, изобретенной ею системы. Исследуются такие способы обольщения, как варка необычного кофе, особая походка, изящное танцевание, благовонная амбра и, разумеется, дыхание – непременно «легкое». В повествование включены байки Серебряного века и иронический пересказ причин знаменитой дуэли между Гумилевым и Волошиным из-за Черубины де Габриаки. Прабабка раскрывает своей правнучке и тайну иерархии женихов, на вершине которой – отнюдь не великие князья, специализирующиеся, говорит она, главным образом на балеринах, или задохлики-интеллигенты, а красавцы-востоковеды! Вот до них не дотянуться ни поэтам, ни художникам, ни философам. То-то рассказчицу, хорошо усвоившую эти уроки, ждет в дальнейшем целая череда мужей-востоковедов. Правда, почтенная дворянка-бабушка уверена: на нынешних мужиков благородную амбру переводить жалко.

Вообще в последнее время жизнь все настойчивее подтверждает несомненно обозначившийся приоритет в литературе женского начала. Это подтверждает и замечательная книга Риммы Старовойтовой «Воспоминания», выпущенная в минувшем году в Челябинске. Автор ее – мать подло убитой Галины Васильевны Старовойтовой, депутата Государственной думы, великолепного, яркого политика. Оказывается, род Потаповых – Тимофеевых, предков Галины Васильевны по материнской линии, ведет свое начало из Поволжья, откуда семья в начале 20-х гг. бежала на Урал, спасаясь от голода. В Челябинске в 1923 г. родилась Римма Яковлевна, а в 1946 г. – ее старшая дочь Галя. С большим достоинством, ничуть ни приукрашивая послевоенного тяжелейшего быта, искренне и просто рассказывает Римма Старовойтова о том, как жила ее семья в послевоенном Ленинграде, какими страшными были тогдашние коммуналки (опять – ленинградские коммуналки! никуда от них не деться), как помогали людям вечно необходимые в тяжелую годину взаимопомощь и взаимовыручка. Воспоминания заканчиваются 1968 годом, когда обе ее дочери в один день вышли замуж.

А вот что сказать о нашумевшем романе писателя Романа Сенчина «Елтышевы», первоначально напечатанном в журнале «Дружба народов», №№ 3, 4, – право, не знаю. То, что роман этот предельно правдив, что он точно и

безыллюзорно рисует жизнь и быт постсоветской России, – вне всякого сомнения. Но никуда не деться от его беспросветной мрачности. Не видит автор абсолютно никакого выхода из того тупика, куда зашла, по его мнению, сегодняшняя жизнь, лишенная духовной перспективы. Герои Р. Сенчина – обычная российская семья из маленького сибирского городка. Глава дома – милиционер по фамилии Елтышев, обирающий потихоньку в вытрезвителе алкашей. Живет он с женой-библиотекарем, понятно, в бедности. Не везет ему и с сыновьями: один сидит в тюрьме за драку, второй вырастает в личность абсолютно безвольную и никчемную. Милиционера-хапугу наконец-то из милиции выгоняют, что автоматически влечет за собой его выселение с семьей из служебной квартиры. Так семья оказывается в вымирающей и спивающейся деревне, где живет старая тетка жены. Вот там-то злосчастную семью ждет настоящая безнадега. Работы нет, деньги тают с каждым днем, народ вокруг злобный, лживый, корыстный. Нет никаких общественных уз, тех самых, что прежде поддерживали человека в бедах. Нет у людей теперь ни совести, ни стыда, да едва ли они и знают, что это такое. Главное же, что погибают оба и без того несильно счастливых и удачливых его сына. А следом за ними умирает и несчастный старик. Даже маленький внук его забывает свою безмерно одинокую больную бабушку. Словом, на наших глазах автор выносит России свой нелицеприятный приговор: нет больше нашего прежнего, родного нам всем, теплого отечества, безнадежность и какое-то безмерное отчаяние поглотили его, и нет в нем больше здоровых сил, как нет и людей, на которых можно по-старому положиться в трудный свой час.

Не сразу и скажешь, рекомендую ли я читателю это явно страшноватое произведение или хочется читателя как-то побережь, не предлагать ему такую книгу, от которой настроение у него едва ли улучшится. Оптимизма роман и впрямь не добавляет. Но, думается мне, жаждущие легкого, приятно щекочущего чтива, как правило, не заглядывают в такие «Меню...», благо то, чего возделает их душа, лежит на каждом прилавке и именуется «дамским романом». «Елтышевы» – книга для тех, кого жизнь, а также школа, не отучила от чтения предельно серьезного, глубокого, кто не обманываться сладкими сказками хочет, а хочет, как и в лучшие времена, правды. Пусть горькой, даже жуткой, но – правды. Россия ведь и отличалась всегда тем, что ее литература – одно из высших проявлений отечественного духа – поднимала человека к свету, не боясь показывать ему окружающей его тьмы. Да и как показать свет без тьмы? Роман «Елтышевы» замечателен еще и тем, что отчетливо дает понять: жизнь, оторванная от прошлого, от правды, от духовного наполнения, не способна к развитию, она неизбежно заходит в бесконечный, бессмысленный тупик.

Читайте, дорогие сограждане, честные и трудные для чтения романы, очищайтесь от привычки к развлекаловке, к бездумности, сладкозвучной лакированной продукции, которую и литературой-то называть не хочется. Только неподкупный голос правды, наш с вами собственный голос, – это то, что мы носим в глубине своего сердца.

Кстати, именно эта проблема – правды и только правды – лежит в основе другой заметной публикации минувшего года – повести Эргали Гера «Кома», напечатанной в «Знамени», № 9. Кома – это имя пожилой женщины, ветерана труда полиграфкомбината «Правда», полностью оно звучит как Комэра («коммунистическая эра»). Она и ее сын, инвалид, по профессии историк, – из стана вечных и непоколебимых правдолюбцев. Увы: к середине 90-х оба они начинают понимать, что никому их правда не нужна. Тогда-то Кома и примыкает к *околоправославному* движению под водительством некоего Учителя, которому по заявке московских властей поручают строить некий гигантский храм, *замаскированный под экологичный жилой комплекс*. Наконец-то Кома находит себя в счастливой работе для других! Однако из-за дефолта 1998 г. часть квартир приходится продать на сторону, и братство будущих поголовных счастливицков поневоле приходится делить пополам – на новоселов и неудачников-лишенцев. *Кома, мысленно отслеживая оглашаемый список лишенцев, увидела волчью выбраковку слабейших. Она словно оказалась под куполом черепной коробки Учителя, нечаянно для себя вникла в ход его рассуждений и, похоже, нечаянно встала с ним вровень. Она вычислила в нем главное – целеполагание. Почувствовала его цепкую, безжалостную сосредоточенность на власти. И не то чтобы отступилась, но – впервые разорвала дистанцию.* Конец истории печален, ибо это конец и веры в справедливость. История, конечно, мрачноватая, но яркая и убедительная. Да и где его взять, оптимизм?

А вот и еще одна история о вечных, как жизнь, поисках правды. Это – сатирический рассказ талантливого Вячеслава Пьещуха «Штрихи к портрету Галины Петровна Непейвода», напечатанный в журнале «Октябрь», № 7. Изображена там коммунистка-идеалистка, отправившая когда-то в ЦК гневное и резкое письмо по поводу *продовольственных пайков для руководящего звена*, а также *телефонного права*. Разумеется, ретивую правдолюбку отчитывают по всей партийной строгости, и она за правдой отправляется в Москву. Но и там выясняется, что возделенная ею правда исповедуется только диссидентами в котельной. Вот уж с ними Галина Петровна бунтует по всей программе – так, что попадает прямохонько в Институт им. Сербского, знаменитый оплот карательной медицины. А в 90-е, эпоху расцвета новоявленного российского капитализма, она разочаровывается и в нем, ибо безыллюзорно видит всю его дрянность. Итог – новая психушка, где героиня ведет излюбленные Пьещухом философские беседы.

...Вот такой литературой, в очень кратком обзоре, одарил нас ушедший год. За бортом, к сожалению, осталась довольно обширная военная проза – уже не о Великой Отечественной войне, а о войне чеченской, многочисленные рассказы о жизни нынешней деревни, полуфантастические сочинения-фэнтези и многое-многое другое. Что поделать, никто не обнимет необъятного.

Помечтаем-ка о том времени, когда в библиотеки, как в лучшие времена, будут стоять такие милые очереди – «за новинками».

Щеглова Евгения Петровна.
Меню для любителя русской литературы
(Обзор новинок за 2007 - 2009 гг.)

Редакторы – О. Н. Косогор, Е. С. Кункина

Издательство
РПГ «Креатив.Лаб», СПб, ул. Верейская, 27

ББК 83.3(2=Рус)6
Щ 33

Щеглова Е. П.
Меню для любителя русской литературы (Обзор новинок за 2007 - 2009 гг.)/
Под. ред. О. Н. Косогор, Е. С. Кункиной. – СПб.: Политехника, 2010. Тираж 500 экз.
(ЦГПБ им. В. В. Маяковского)

ISBN 978-5-904030-95-7